

ОТРЫВОК ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ.

Ф.Ф. КОКОШКИН.

Милюков А.П. Отрывок из воспоминаний. Ф.Ф. Кокошкин // Исторический вестник, 1884. - Т. 15. - No 1. - С. 88-96.

Оригинал здесь -- http://memoirs.ru/texts/Miluk_IV84_15_1.htm

В НЕКОТОРЫХ русских мемуарах встречались рассказы о Федоре Федоровиче Кокошкине, бывшем директоре московского театра и переводчике мольеровского "Мизантропа". В воспоминаниях его современников он представляется по большей части человеком далеко не симпатичным: его обвиняют в надутым чванстве, узком педантизме, интригах и недоброжелательстве. Может быть, в этих отзывах и была доля правды, но в моей памяти он рисуется в ином виде. Правда, я знал его недолго и притом только в последние годы его жизни и в моей ранней молодости, но как бы ни было, он представляется мне человеком не только не злым, а напротив радушным и добрым, хотя во многих отношениях странным и даже смешным. Известно, что он был недурным актером, в тогдашнем псевдо-классическом смысле, и удачно играл на своем домашнем театре в комедиях Мольера, но едва ли в ряду разыгранных им ролей на сцене нашлось бы лицо столько комическое, как он сам был в действительной жизни.

Я был еще в одном из высших классов первой, и в то время единственной, московской гимназии, когда отец мой переехал в дом Кокошкина, на Никитском бульваре. Мы жили во флигеле, а хозяин помещался в большом каменном доме, который стоял в глубине двора, отделенного от улицы решетчатым забором. В то время Федор Федорович не был уже директором императорского театра, но не переставал еще интересоваться им; его посещали актеры и театралы, журналисты и литераторы, и на его домашней сцене бывали иногда спектакли, в которых сам он непременно участвовал. На эти вечера съезжались люди из лучшего московского общества и артистического круга, и многих, кажется, не столько привлекало предлагаемое зрелище, сколько сопровождавшие его ужины и вообще широкое, радушное гостеприимство хозяина. Мне скоро пришлось быть на одном из таких спектаклей, и хотя он сильно привлекал меня, особенно артистической игрою самого Кокошкина и жившей тогда в его доме актрисы Потанчиковой, но я заметил однако же, что некоторые гости меньше интересовались пьесой, чем буфетом. Иные даже втихомолку подсмеивались над превосходительным актером.

На маслянице, Кокошкин был у нас на блинах, заговорил со мною, спросил о занятиях в гимназии, пожелал видеть мои классные сочинения и предложил брать книги из его библиотеки. Я конечно не упустил случая воспользоваться этим предложением. Тут удалось мне перечитать много классических, преимущественно французских писателей и в первый раз познакомиться с трагедиями и романами Вольтера. Вместе с тем, при частых прогулках в библиотеку, где иногда проводил я целые часы, рассматривая гравюры и иллюстрированные издания, которые неудобно было брать домой, познакомился я и с домашней жизнью моего патрона.

Кокошкину в то время было лет семьдесят, но он еще казался бодрым и не переставал разыгрывать светского селадона и дамского поклонника. Надобно было видеть, какие совершались с ним каждый день овидиевские превращения. Утром, встав с постели, сидел он в своем кабинете, в большом вольтеровском кресле, желтый как египетская мумия, с гладким безволосым черепом и ввалившимися щеками, и медленно пил свою чашку кофе. Казалось, этот уже полуживой старик сейчас рухнет на пол. Но вот приходит его камердинер, Данило Иваныч, ставит на стол разные принадлежности старческого туалета -- флаконы с румянами и белилами, щеточки и кисточки, рыжеватый парик на деревянном болване и искусственную челюсть на серебряном блюде. И начиналось превращение, какого не придумывал и певец Метаморфоз. Пергаменное лицо начинало белеть и алеть под косметической щекатуркой, голый череп прикрывался густыми завитыми кудрями, из-за натертых розовой помадою губ выглядывали прекрасные вставные зубы, и вся сгорбленная фигура выпрямлялась под туго-затянутым корсетом. Раза два или три в неделю, в модном сюртучке, с тросточкой, на конце которой был золотой молоточек, последний из атрибутов масонства, выезжал он в коляске, или только сопровождаемый ею выходил пешком на прогулку.

Модными гуляньями в Москве были в то время Пресненские пруды, Тверской бульвар и Осташевский сад. Там в очередные дни недели можно было видеть лучшее московское общество. От двух до четырех часов дня прилегающие улицы уставлены были рядами экипажей, а по аллеям двигались пестрые группы гуляющих. На каждом из этих гуляний были свои корифеи и признанные знаменитости: